

■ **ДАНИИЛ ГРАНИН** — один из немногих известных прозаиков, серьезно исследующих в своих книгах проблему взаимодействия научно-технической революции и литературы. Возможно, это объясняется тем, что сам он технически высокообразованный человек: в прошлом инженер-энергетик, а потом ученый, кандидат технических наук. Не случайно столь органичны для него повести о советской технической интеллигенции и «Искатели», «Иду на грозу». И его последнее по време-

ни произведение «Картина», по существу, размышление о необратимом влиянии научно-технического прогресса на природу, о сложных отношениях его с искусством. Если говорить о тематике, то несколько особняком в творчестве писателя стоит повесть «Клавдия Вилор» — о нравственной стойкости, силе духа советского человека в Великой Отечественной войне и звериной жестокости фашизма. Впрочем, и здесь присутствует личный опыт. Во время войны 22-летний Гранин командовал

танковой ротой, а потом полком тяжелых танков. Повесть была удостоена Государственной премии СССР.

По данным библиотек Гранин — один из самых читаемых у нас прозаиков. Его произведения переведены на языки народов всех социалистических стран, они известны в ФРГ, Японии, Аргентине, США, Австралии и многих других капиталистических странах. Даниил Гранин отвечает на вопросы корреспондента АПН Николая Назарова.

— Даниил Александрович, чем, на ваш взгляд, научно-технический прогресс привлекает литературу?

— Развитие кибернетики, покорение космоса, открытия в генетике изменили наше мироощущение: человек понял, что он не только житель Земли, но и гражданин Вселенной. Вызванная этим перестройка человеческой психологии, конечно, представляет огромный интерес для литературы. Современная наука открывает вещи, невероятные с точки зрения здравого смысла: кривизна пространства, «черные дыры», Вселенная, которая расширяется, механизмы наследственности... Наука, непрерывно развиваясь, влечет пересмотр привычных представлений, и это для литературы опять же предмет пристального исследования.

Не случайно в последние годы так расширился круг писателей, творчество которых связано с проблемами науки. А ведь еще недавно их можно было пересчитать по пальцам. Интересно, что сегодня и те литераторы, которые впрямую не пишут о науке, все чаще в своих произведениях используют формы научного мышления — научную логику, научный анализ, рациональный подход к окружающему миру. Однако здесь литературу подстерегают опасности и неожиданности...

— Что вы имеете в виду?

— Думаю, что влияние науки на литературу может быть не только позитивным. Некоторым современным произведениям присущ излишний рационализм. Есть и такое опасное явление: стремление, бывает, рядить в тогу науки сомнительные истины и даже мистику. Думается, не следует забывать и того, что научно-техническая революция изменила многое, но не среду обитания души. Человек стал больше знать, больше уметь, но стал ли он от этого добрее, честнее, человечнее?..

Возникло и другое неблагоприятное поветрие — мода на героя-ученого, ксгорский, кроме научной лексики, не отличается никакими другими профессиональными чертами и с

Писатель за рабочим столом

таким же успехом мог бы быть, скажем, журналистом или боксером.

В то же время я отнюдь не ратую за то, чтобы писатели приобщали читателей к профессиональным научным тонкостям. Я за постановку проблем, которые актуальны сегодня и для науки, и для жизни всего общества.

Не следует забывать и то, что, несмотря на возрастающее влияние науки, литература как способ познания жизни сохраняет свою суверенность, самостоятельность. И здесь она даже может опережать науку. Так, Достоевский, великий знаток человеческой души, в своих романах опередил многие открытия психологии.

— Вы много выступаете в научно-популярном и документальном жанрах. Означает ли это, что вы отдаете приоритет документальной литературе перед собственно художественной?

— Время от времени у меня действительно появляется потребность поработать в документальном жанре. Да и не только у меня — писатели во всем мире сейчас увлеклись документом. То ли потому, что сочинительство всегда условно и хочется прикоснуться к достоверности, к подлинности. То ли оттого, что возрос интерес читателей к документальной литературе. Как бы то ни было, обращение к факту всегда плодотворно для художника. Правда, и здесь есть обратная сторона: факты, если ими продолжительное время пользоваться, начинают связывать воображение, фантазию. Поэтому я не могу сказать, что отдаю документальной прозе предпочтение перед другими жанрами.

— Особой популярностью у читателей пользуется повесть «Эта странная жизнь». Ее герой профессор-биолог Александр Любичев поставил на себе уникальный эксперимент, продолжавшийся 56 лет. С 1916 по 1972 год он строго, с точностью до минуты, учитывал полезное время, потраченное на разные виды творческой деятельности: научная работа, библиография, чтение, письма, заметки. Итог этой жизни — две тысячи печатных листов. Как у вас возникла мысль написать об этом человеке?

— Профессора Любичева я знал, но масштабы этой личности при его жизни оценить не мог. Признаюсь, относился к нему несколько иронично, числил в чудаках. Но подспудно жило во мне сознание, что это человек необыкновенный. Я написал о Любичеве потому, что с ним были связаны проблемы, которые волнуют многих. Вряд ли кто не задумывался над тем, что жизнь человеческая коротка, что отпущенное нам время не растянуть, не затормозить, не остановить. Как же жить с пользой? И что такое польза? И вообще, во имя чего надо беречь время? Словом, меня мучила настоятельная потребность разобраться в этих вопросах. И я попробовал сделать это на примере жизни Любичева, построившего собственную систему отношений со временем. Признаюсь, хотел бы, чтобы эту повесть прочло как можно больше людей.

— Проблемы нравственности вышли сегодня в нашей литературе на передний план. Не ушли ли они на периферию в произведениях научной тематики?

— Ни в коей мере. Ведь жизнь в науке всегда сопряжена с нравственным выбором. Для меня, например, моральные качества ученых порой имеют большее значение, чем их чисто интеллектуальные достижения. К тому же нравственное величие Эйнштейна, Резерфорда, Жюлио-Кюри, Циолковского, Курчатова, Королева создает высокие духовные критерии служения людям.